

Семён Резниченко.
Повесть о Мидгарде.

Научная фантастика в наше время.

Столб стоящий посреди поля в пасмурный день. Столб, не отбрасывающий тени. Никто не знает, зачем он здесь стоит, и вообще столб ли это. Быть может, это остаток горного хребта, размытого мелким дождиком, таким как сейчас....

Но мог бы слившийся горный хребет иметь такую форму? Наверное, столб есть столб. Но зачем и кто его поставил? Это древняя обсерватория? Тучи, похожие на провисший потолок, не дают получить ответ.

Может, это символ плодородия? Столб похож на памятник чьим-то мечтам и надеждам. Вроде начали что-то возводить, потом разбирать и возводить заново, потом снова разбирать. Но до конца не разобрали...

На столбе видны какие-то загадочные отверстия. Быть может, там должно было что-то крепиться. Или кто-то пробовал столб на твёрдость...

Неприкаянный дух летал над пустотой. Он уже забыл, кто он. И чувствовал, что скоро с этой пустотой сольётся. Поэтому из последних сил он рванулся туда, где был кто-то живой.

Был летний вечер. Грязные подтаявшие льдины подрагивали на холмах. Между камней зеленели травяные кочки. Весёлый мох покрыл останки прошлого – железобетонные глыбы. Ветер крепчал, раздувая пару тучи. Она всё быстрее расплзлась в фиолетовом небе. За тучей поглядывало желтоватое пятно недремлющего солнца.

Дух прыгнул туда, где в небо поднимались дымы. Короткий полёт - и он очутился на крыше землянки. Она была сделана из дёрна, лежавшего на древних железных столбах, рёбрах китов и плезиозавров. Внутри - душная пещера, освещённая жировой плошкой. Урчали собаки и хихикали девушки. Неторопливо беседовали сытые, ленивые мужчины. Аркадий ковырнул их души, подняв на поверхность память о встрече с Иным.

«Какая нечесть живёт в Мёртвом посёлке на древних кораблях?» - спросил один из парней дядю-шамана. Тот выпрямился. «Теперь не заткнёшь!» - ухмыльнулся его брат. «Ты знаешь, что Углюк из Посёлка за мысом совсем седой?» - начал шаман. Однажды вечером он возвращался морем от тестя. Недалеко от дома его нагнал шторм. Вдруг Углюк видит: мимо него в открытое море идёт Брошенный древний корабль».

Все замерли с открытыми ртами. «Этот корабль весь светился огнями, выл и гремел» - внушительно продолжал шаман. Молодой парень стиснул зубы. «Брошенный корабль прошел очень быстро и скрылся в тумане. Углюк очень, очень боялся. Еле догрёб до посёлка. Хорошо, немного оставалось. Теперь он седой совсем-совсем. Хоть и нестарый.

Потом люди из Посёлка за мысом плыли мимо Мёртвого поселка. Один из Брошенных кораблей стоял далеко в море! Люди проплыли мимо быстро-быстро! Они слышали – на корабле стучали. Стук-стук!». Послышался дружный вздох. «Потом люди из Посёлка за мысом плыли обратно. Этого корабля совсем не стало! Видно, белые люди к себе увели, в страну мёртвых». Шаман понял, что целиком овладел вниманием.

«В Мёртвом посёлке – брошенные вещи и брошенные души. Ничего путного давно нет! Души спят, мусор валяется. Тем душам ничего не надо! Ни вредить, ни помогать. Не трогай, и всё! Но с дурной погодой в Мёртвый поселок приходят злые духи. Они дёргают души белых, играют с ними. Белые просыпаются и не знают зачем. Творят всякую бестолковщину. Там у них стояли Брошенные сани На колёсах. Почти целые были. Однажды в пургу души белых хотели сесть в них и ехать в страну мёртвых. Да забыли, как ездить надо! Ха-ха-ха! Разломали сани, разбили. И снова спать. Ха-ха-ха!». Землянка вздрогнула от хохота. Весёлый разговор продолжался. К нему присоединилась молодёжь со своими шутками и дразгами. Никас перестал слушать и прыгнул в Мёртвый поселок.

Дул резкий нервный ветер, готовый перейти в шквал. Туча уже расплзлась по всему небу. Сквозь неё проглядывало немеркнущее солнце. От этого Никасу стало неудобно. Он отключил зрение и приземлился с помощью внешней ориентировки. Устроившись поудобнее, он снова позволил себе видеть.

Среди развалин было темнее. Чуть подсвеченное небо казалось далёким и погруженным в себя. Здесь, внизу, в сумраке посвистывал ветер. Останки посёлка вторили ему стуком, скрипом и звоном. Иногда слышались как будто протяжные вздохи. Казалось, что ночной ветер выпустил духов из неведомых нор, где солнце держит их на привязи. Духи шумно

карабкаются на верх. Выбравшись, отдуваются и потягиваются. На свежем воздухе они заводят свои беседы, смеются и рыдают, устраивают потасовки. Влюблённые мечутся в поисках друг друга.

На фоне неба темнели Брошенные корабли. Их силуэты потеряли былую стройность и отчётливость. Корабли напоминали севшие на мель чёрные айсберги. Они отвечали ветру и морю стонами и вздохами. Протяжный скрип порой срывался на лязг.

Дух почувствовал, что скоро им займётся шаман, принялся ловить струю силы, которая должна была перенести его куда-то ещё. Сначала его бросало из стороны в сторону по бывшей улице. Потом дух зацепился за лист тоненькой жести. Вместе с листом его понесло. Дух поднимался в воздух, падал, кувыркался, подскакивал и вновь летел. Наконец лист жести стукнулся в закрытую дверь. Стукнулся, упал. Его опять подбросило и стукнуло. И так раз за разом. Наконец дух почувствовал, что кто-то приближается к двери. Она распахнулась.

Когда-то это было здание с бетонно-стальным каркасом. Стёкла уже выбили ветер и время. А может, и не только они. Вокруг были такие же здания. Или непонятные остовы, о которых уже никто не мог сказать, были они постройками или нет.

Люди, которые тут остались, этого не знали. Была смутная память, что самые большие строения были древними домами.

Сами люди были мудры, и ютились в подвалах и полуподвалах. Они были прочны и относительно уютны. Люди не убирали вокруг них мусор, тоже состоящий из древних вещей, часто тоже ненужных и непонятных, как большие дома. Наоборот, мусор заботливо и причудливо громоздили. Чтобы он скрывал входы в жилища и следы людей. Сами люди двигались быстро, скупно и незаметно. Говорили негромко и перекликались редко. Их громкие крики можно было принять за птичьи. Их огороды и посадки были заботливо укрыты в зарослях кустов.

К этим людям редко кто-то приходил, очень редко. И они были очень этому рады.

Ещё люди верили, что в больших домах древних пробуждаются их строители. И те, кто их разрушил.

Издали это казалось холмами и скалами, поросшими лесом и кустарником. И только совсем вблизи можно понять, что это разрушенный город. Стекло и железо ушло в землю. Бетон стал похож на замшелый дикий мергель, которым и был когда-то.

И если долго бродить вокруг, можно было понять, что некоторые поляны были возделаны. Среди деревьев стояли хжины, похожие на кучки сухой травы.

А если долго и тихо сидеть, можно было увидеть и людей. Тихих и быстрых, мало заметных в серо-бурой одежде.

Группа странно одетых подростков спешила вслед за стариком по краю поляны. Вот они скрылись среди деревьев. То, что они сделали дальше, уже не видел никто. Старик, а за ним и подростки вошли в подземное жилище под развалинами. Быть может, когда-то тут был подвал, блиндаж или бункер. Но никто об этом ничего не знал. Здесь проходил один из этапов посвящения подростков во взрослые мужчины.

Вот и теперь старик рассказывал будущим мужчинам об истории человечества.

«Первыми появились очень глупые люди. Они были такими, потому, что произошли от мух и других бесполезных насекомых. Они ничего толкового не делали и только суетились безо всякого смысла. Эти люди построили огромные дома, от которых остались одни развалины. Кому нужны такие дома, кто в них мог жить? Ещё они делали много странных и ненужных вещей, которые иногда находят в этих развалинах. Конечно, эти люди скоро все умерли от голода и болезней. Они же не знали и не умели ничего полезного.

Потом появились очень злые люди, которые произошли от волков. Они были не такие глупые и уже умели сражаться. Из-за своей злости они только этим и занимались. И поэтому перебили друг друга. От них осталось оружие, взрывчатка и вещи из металла. Иногда всё это находят. Эти вещи опасны, но иногда ими можно пользоваться.

И только потом появились очень мудрые люди, наши предки. Которые произошли от мышей и крыс. Они и придумали все полезные вещи. Где жить, как находить и выращивать себе еду. Как относиться к старшим и младшим, детям, женщинам и старикам. Когда и с кем сражаться, и от кого убегать и прятаться. И где прятаться лучше всего».

После этого старик торжественно замолчал. Он подошёл к алтарю, который в незапамятной древности был крышкой пластикового столика, и возложил на него священные хлебцы.

И через несколько секунд бесшумно появились они – священные крысы, воплощение предков. Сначала – самая старая и огромная, с пушистым седым мехом. Она не спеша, с достоинством принялась грызть хлебец. За ней последовали остальные крысы, более мелкие и суетливые. Самые молоденькие из них о чём-то возбуждённо попискивали.

Подростки, без пяти минут полноправные мужчины, с замиранием сердца смотрели на живое воплощение мудрости, добродетели и силы...

В одно прекрасное время людям очень захотелось быть как можно дальше друг от друга. Там более что среди них слишком часто стали случаться конфликты, участились эпидемии и землетрясения. Поэтому многие люди поспешили ретироваться подальше друг от друга.

Некоторые делали это в одиночку или под двое — трое. Но если людей было так мало, им сложно было справляться с трудностями и неожиданностями. Или им просто становилось слишком тоскливо в одиночестве. Поэтому люди, объединённые в группы побольше. Одни люди, числом более десятка, знали много про полезную для жизни технику. И у них эта техника была. В том числе и потому, что они могли её придумывать и делать. С

помощью этой техники они могли делать себе полезные для жизни вещи и выращивать пищу. И вещи, и пищу эти люди могли получать в устройствах, размером с не слишком большую коробку.

У людей даже было несколько боевых дронов и наземных роботов, была система слежения и контроля за небольшим периметром. Они запаслись кое — каким оружием. Но среди них не было настоящих воинов, которых эти люди боялись и презирали, зачастую — зря. Их вообще было мало. В том числе — потому, что они считали, что если людей много, то среди них появляются враги, предатели, и нахлебники. А в этом эти люди были не далеки от истины...

Ещё у этих людей были большие и дорогие транспортные средства, пусть и совсем мало. Но достаточно, чтобы забраться с их помощью очень далеко. В пещеру на склонах уединённой горной долины. Здесь редко кто бывал и в лучшие времена, а теперь — тем более. Люди поселились в этой пещере и стали её обустроить. В первую очередь, они сделали всё, чтобы её было очень трудно заметить и ещё трудней подобраться к её входу. Но если бы кто сумел забраться в неё живым, он долго искал бы в пещере что-то, кроме камней. Хотя в пещере было обустроено комфортабельное подземное поселение. Сами люди старались по возможности не выходить в долину, хотя и внимательно наблюдали за ней с помощью различных устройств слежения.

Люди сделали всё, чтобы у них не было даже желания покинуть пещеру. Они хранили в оцифрованном виде громадное количество информации о самых разных местах и эпохах, книги, фильмы, музыку и пейзажи. Много практически полезной информации и массу файлов для развлечения и стимуляции мысли. Одновременно люди могли наблюдать за жизнью долины, различные интересные природные явления, сценки из жизни животных.

Больше всего в мире эти люди ценили свою пещеру, которую называли Убежищем. Она была для них всем, её, а ещё программное обеспечение для различных устройств эти люди считали превыше всего. Большинство из них изначально были и оставались программистами. Потому что считали, что из цифровых кодов можно создавать всё.

Обитатели убежища со временем размножились, но не сильно. Они старались редко умирать и плодиться по мере надобности. Большинство из них дышало свежим воздухом и получали физические нагрузки по индивидуально графику. Но были и сильные, ловкие жители Убежища, называвшиеся сталкерами. Их было совсем немного, но они отлично владели оружием и другой полезной техникой, умело прятались и наблюдали. Они скрытно передвигались по всей долине, и даже иногда выходили за её пределы. Именно сталкеры устанавливали за пределами Убежища устройства для слежения и ловушки.

Именно сталкеры, отвечали за контроль над теми, кто жил в Селе.

Жители Убежища были не единственными людьми в долине. Было ещё Село, обитателям которого для добычи пищи приходилось обрабатывать довольно большие участки земли, эти люди не могли сами писать программы для цифровых устройств, хоть и пользовались некоторыми системами связи и 3D — принтеры.

Люди из села жили сравнительно недолго и должны были больше плодиться. Они много работали на земле, охотились и воевали с врагами. Сами они поклонялись Маме, подательнице всего нужного и полезного, в образе женщины с благородным лицом, и Хранителю, храброму и воинственному защитнику в образе мужчины с волевым подбородком. Ещё они почитали штурмовые и снайперские винтовки, мотокультиваторы. Их недруги из соседней долины считали, что поклоняться надо подателю благ и защитнику в образе старинного двадцатимиллиметрового миномёта. А жители этой долины считали, что поклоняться миномёту аморально. Вообще в непроходимых горах после исхода многих людей из городов и удобных равнин людей стало заметно больше, как и поводов для конфликтов...

Самым важным человеком в Селе был Старец, который лично ходил общаться с Мамой для получения силы, необходимой для работы техники и плодородия земли. Ублажать

Хранителя были приставлены несколько красивых и знающих женщин, которых называли Няшками.

Жителей села в Убежище было принято считать очень глупыми и примитивными. Однако они порой что-то полезное изобретали, по мелочи, конечно. Эти изобретения иногда использовали сталкеры, за что другие обитатели Убежища порой на них косо смотрели.

Во главе Убежища стояло несколько Стариков, называемых Отдыхающими. Они сами только наблюдали за своим здоровьем и контролировали других жителей Убежища. Ещё они сообща принимали важные решения. Например, нужны ли будут в будущем году новые дети. Отдыхающие постановили, что будет лучше, чтобы жители Села о них ничего не знали, но чтобы любой житель Убежища мог время от времени наблюдать за жителями Села. Чтобы любой житель Убежища мог убедиться, что жизнь за пределами Убежища может причинять лишь страдания и беспокойство. Ещё жителей села использовали как материал для пересадки органов больным жителям убежища. Для этого подстраивали несчастные случаи, нападения хищных зверей или врагов. А так же иной раз от наиболее здоровых и умных из них брали генетический материал для оплодотворения женщин Убежища, чтобы не допускать вырождения. Делали это особые роботы, притворявшиеся демонами — искусительницами.

Все в Убежище знали, что жители Села не должны знать о них. Но никто, кроме Отдыхающих и нескольких избранных сталкеров не знали, что программное обеспечение для цифровых устройств жителей села получают из скрытых портов, обустроенных по приказу Отдыхающих. В Убежище принято было считать, что в Селе пользуются древними аналоговыми устройствами или получают нужные детали некими особыми, нечистыми демоническими способами. Поскольку и сами они люди по сути нечистые.

Один из программистов Убежища, по имени Виктор, разрабатывал программное обеспечение для наблюдения за Селом. Виктор был человек, склонный к честолюбивым мечтам, и потому хотел разгадать способ, которым жители села получают нужные детали для их техники на самом деле.

Потому, что ещё больше Виктор хотел узнать, как изучать большой мир, находящийся за пределами долины. Но изучать незаметно, как это делали жители Убежища по отношению к жителям Села. Виктор думал, что странные, примитивные и магические технологии жители Села невидимы для электронных систем слежения, и потому позволят наблюдателям незаметно проникать далеко от долины, заранее узнавать о многом полезном и неизведанных, но грозных опасностях.

Полностью свой замысел Виктор никому не открывал. Но говорил одному из Отдыхающих, своему наставнику, что хотелось бы узнать больше о неизведанном корне реальности. «исток всего — в самом тебе» - неизменно отвечал с улыбкой отдыхающий.

Но Виктор не сдавался. С помощью хитроумной цепи доводов, апеллирующих к необходимости укрепления долголетия Отдыхающих, он получил разрешение на установку жучков наблюдения в причёске Старца, главы Села. Что Виктор и сделал с помощью незаметного робота манипулятора.

Так он смог узнать о жителях Села много нового. Например, то, что их производственные устройства, хранящиеся в Главном доме, похожи на устройства жителей Убежища, хотя они и более примитивные. К этим устройствам периодически подключают диски-накопители, содержание которых периодически обновляют.

Но где? Виктору удалось выяснить это во время одного из праздников, дня посвященного Маме. В этот день Старец во главе избранных певчих двинулся к выходу из Села по главной дороге, которая периодически асфальтировалась.

Раздалось низкое тягучее пение. Старец двинулся вперёд по вздувшемуся асфальту дороги, из под которого выглядывали отполированные временем корни давно засохших деревьев, или, быть может, камни, вздыбленные древними землетрясениями.

Вскоре Старец скрылся за густыми деревьями, певцы потеряли его из виду. Он же всё так же размеренно, не спеша шёл вперёд.

Дорога, покрытая древним асфальтом, упёрлась в поле, покрытое высокой, желтоватой с проседью травой. Но в дальнем его конце, рос куст, покрытый ярко-алыми цветами. Старец уверенно направился к нему.

За кустом поле резко уходило вниз, во влажную тень деревьев. Старец последовал туда же.

Разлапистый семиствольный дуб был обложен у корня камнями, некоторые из них утопали в стволе дерева. Старец приблизился, его походка стало заметно напряженнее.

Между самыми крупными валунами у корней открылся вход в маленькую пещерку. Старец поклонился и шагнул вперёд.

В полумраке пещеры стала видна каменная стена с небольшим пластиковым щитком. На нём горела зелёная лампочка. Лицо Старца прояснилось. Он ещё раз поклонился, и вставил в разём, находящийся чуть ниже лампочки, дисковый накопитель. Огонёк, в свою очередь, зажегся на накопителе.

Старец замер, почтительно склонившись, но не забывая следить за светом огонька. И вот зеленое свечение перешло со щитка на накопитель. Старец ещё раз почтительно поклонился и извлёк накопитель из порта. Потом попятился к выходу из пещеры.

Потом Старец бодрой походкой возвратился тем же путём, выйдя к певцам, он с широкой улыбкой поднял накопитель над головой. Певцы грянули раскатистую весёлую песнь. Во главе со старцем они двинулись в селение по непрерывно свежающему асфальту. Село разразилось ликованием: загремели барабаны, парни и девушки пошли по главной площади прихотливо вьющимся лабиринтом, время от времени громогласно восклицая...

Виктор узнал щиток и лампу, из Убежища, устанавливали наверняка сталкеры. К скаченной программе наверняка и он приложил руку! Когда разрабатывал упрощённые варианты «для аварийного случая».

Поэтому никакого «ухода вдаль» не было, всё замыкалось на нём самом, как и сказал ему Отдыхающий. В селе жили люди не сложнее установщиков и наладчиков, наверное, с элементарными навыками программирования. А так вся их необычность и яркая примитивность держалась на Убежище, которое растило для себя биологический материал, вроде домашних животных, считающих себя дикими. Мир замыкался на самом себе, замкнутой долине с пещерами на склонах, где находилось убежище.

В случае о неизвестных опасностях можно было узнавать только от беспелотников, которые могли лететь только до зоны слежения других Убежищ. Выход вверх тоже был чреват тем, что засекут.

Мир замыкался в самом себе, маленьком тягостном круговороте, из которого даже нельзя было представить себе выход. И из которого неизвестно куда можно идти, и можно ли? Огромный мир был известен в застывшем целом, но оставался неизвестностью в движении. Которое могло быть любым, и что-то в любой момент могло измениться. Так, что прежний мир исчезнет, превратившись во что-то совершенно иное.

На некоторое время возникло ощущение, что стены и потолок могут вдруг сомкнуться в единую сплошную массу, внутри которой нет никакого Убежища, никакого пространства. Так могло быть только приблизительно, совсем единый монолит без усилий человека вряд ли мог возникнуть. Но пространство по самым разным причинам могло перестать быть Убежищем, а стать чем-то бессмысленным и опасным.

Вскоре это ощущение прошло, но было понятно, что оно запросто может вернуться. Или стать реальностью.

Отдышавшись, Виктор стал думать о том, что нужно предпринять. Вскоре нарисовалась идея — надо посылать людей из села ближе к вершинам гор, скажем, за священной землёй или льдом, которые для привлечения удачи надо закладывать в Машину Мамы. А там уже программы - контрольки будут их анализировать, собирать информацию. Которую будут хранить и анализировать в Убежище.

«Что-то понять можно будет, не сразу, не за один год» - сразу же подумал Виктор. И от этого, продления прежнего постоянства стало спокойнее, перестало давить.

А через неделю к Отдыхающему, наставнику Виктора, пришёл командир сталкеров. «Просканировали во время подключения к порту Старцев накопитель. И не один раз. Кто-то у них там кодит. По крайней мере, наши программы целенаправленно модифицируют». Отдыхающий впервые за очень много лет почувствовал себя зависимым устройством... Командир сталкеров сообщил Отдыхающему не только об этом, и наставник в тот же день пригласил к себе Виктора.

- Я в тебе не сомневался! До самого себя ты докопался. А вот до Другого — пока нет.

- Другого, наставник?

- Да, до программиста, который работает в Селе.

- Но ведь софт идёт к ним от нас?

- И сами, работают.

- И как это?

- Ты умный, ты узнаешь...

Вернувшись от наставника, Виктор немедленно приступил к работе. На следующий день его поддержали сталкеры, которые доставили почти к самому Главному Дому небольших хрупких роботов, которые могли передвигаться только на небольшие расстояния.

И Виктор узнал, кто программист и волосы стали у него торчком. Программированием занимался оракул Главного дома, безумец, от рождения лишенный большей части головного мозга и черепа. Вместо них у этого существа находилось углубление со странной тенью...

Оракул вносил изменения в программы, разработанные в Убежище, изменения простые, абсолютно логичные и нужные.

Но безумец кодил ещё что-то, к чему Виктор сумел подключиться только через месяц. А подключившись, совершенно ничего не понял. Увиденное для Виктора было абсолютно непонятным. То ли это было нечто, действительно лишенное всякого смысла, то ли непостижимое, что не может породить человеческий разум, но вполне может тень во впадине на его месте?

И эта непостижимая программа, например, не только знает об Убежище и его обитателях, но и полностью контролирует всего его программы, например, те, с которыми работает Виктор?! И знает, что он о ней знает, и может в любой момент уничтожить и всё Убежище или одного Виктора!?

Стены опять стали сдавливать и будто грозили обрушиться. Виктор постарался успокоиться, совершая привычные, необходимые действия, например, он начал готовить доклад для наставника.

«Наверное, это отчасти набор ничего не значащих символов, а отчасти какие-то необычные, и могущие оказаться эффективными программы. Но не факт, что для разведки или удара. Но для чего! И используется ли это как-то и кем-то?» - подумал Виктор.

Когда наставник выслушал доклад, он сказал: «Опять всё по кругу. После другого тебе опять придётся искать себя». И рассмеялся.

Виктор ещё много раз видел тень во впадении на черепе оракула. Смысла он по-прежнему не ходил. Ему не оставалось ничего другого, как попытаться самому стать этой тенью, перепутанными и неосознаваемыми останками когда-то бывшего и ожидаемого в будущем. Останками бесформенными и неосознаваемыми.

Виктор становился всё ближе к тени. Во время слияния он программировал. В основном получалось нелепая абракадабра, как ожидалось. Но потом удалось разработать программу для нового робота - разведчика. И даже его конструкцию, раньше этого Виктор никогда не делал. Этот робот, замаскированный под камешек, надо было бросить в воду в верховьях большой реки, берущей начало в горах, окружавших долину, неподалеку от Убежища. Робот должен был скользить по дну реки со скоростью течения, анализируя то, что как-то воздействует на воду реки. Приборы слежения должны были принимать робот за своё собственное излучение. Впрочем, если они были много совершеннее, чем те, что изготавливали в Убежище, они вполне могли его засечь.

Когда Виктор описал проект наставнику, тут больше не улыбался. Потому что понял, что мир непоправимо изменился. Вне зависимости, будет ли робот запущен в реку, засекут ли его системы слежения, и что случится с Виктором через час. В мире что-то непоправимо сдвинулось, и неизвестно, хорошо это или плохо. Вернее, ожидалось много хорошего и много плохого, но иного хорошего и плохого. Если ещё час назад Отдыхающий чуть ли не мечтал жить вечно, то сейчас он уже знал, хочет ли этого...

Михаил надеялся на нетерпение гостей и самоуверенность гостей, и на то, что из-за самоуверенности ими станут люди... Яма для 3D-принтера была наглухо запечатана, а механизм был поставлен на отсрочку в пятнадцать секунд.

В схроне у Михаила стояли другие 3D-принтеры, не те обычные, что в мастерской. Один — для производства деталей, включая самые сложные, для нового 3D-принтера, и ещё один для самостоятельного производства рабочих смесей. Она стояли там уже неделю назад, а теперь на их месте были муляжи. И пистолет — пулемёт, управляемый роботом, который управлял неравномерной стрельбой с реагированием на движение. Робот с пистолет — пулемётом заменяли в окруженном доме Михаила...

Ворот и большей части стены у дома уже не было. Вот прямое попадание артиллеристского фугаса вынесло дверь вместе с укрепленным тамбуром. Собакомуравьями во двор шмыгнули боевые роботы, сыпя гранаты из автоматических гранатомётов в проломы.

Но вот роботы успокоились. С десантного квадрокоптера спускают двоих в боевых костюмах. Спускают в пролом в крыше, чтоб у дверей не попасть в ловушки. Михаил знает, как их зовут, несмотря на закрытые шлемы. Ребята самоуверенные, и, главное, отвыкли от неожиданностей.

Ориентируются быстро, хоть не в схроне, а в доме не раз бывали. Знакомство с помещением и профессионализм приближают их смерть. Удар, изображение перекашивает, потом гриб на месте дома. Взрывная волна сомнёт все органы, даже если костюмы останутся целы....

Просто Михаил не хочет платить Лабиринту за защиту, за детали и смеси для 3D-принтера, он может делать их сам. Не хочет делиться сделанным в своей 3D-мастерской. Михаил не просто такой дерзкий, он не без основания боится, что жителям Лабиринта больше не понадобятся обитатели усадеб. Всё будет делать в своих мастерских, растить на своих плантациях. Самых послушных переселят в Лабиринт, остальных — зачистят. А может зачистят всех, кого — в родных усадьбах, а кого — уже у себя.

Михаил просто действует на опережение. Принтеры для производства других принтеров, пища и оружие уже в перевалочном схроне. С того места легко можно уйти в долину, где сухо и принято считать, что нельзя жить из-за радиации.

Но Михаил знает, что там жить можно, если знать, где есть вода. А Михаил знает. И он надеется, что в Лабиринте думаю, что но погиб вместе с домом.

А теперь надо быстро уходить.

Пятнадцать лет назад он стал божеством, единственным из тех, с кем ему доводилось общаться. Тогда никто не видел его с земли. Бесшумно, как змея он полз в высокой траве туда, где похрюкивали дикие свиньи. С ним был его тогдашний лучший друг – карабин, одной обоймы которого ему, меткому стрелку и мастеру ставить ловушки, хватало на несколько месяцев охоты, а то и на год. Хорошие патроны были дороги, их привозили издалека. Но это мешало кому угодно, но только не ему.

Но вот что-то легко и бесшумно оторвало его от земли. И прежний мир исчез: стремительно, незаметно и бесповоротно. На годы он остался один на один с умной машиной, которая вошла в его мозг и тело. Он узнал очень многое, что можно было пересказывать множеством жизней подряд.

Он стал подобным богу-пауку, о котором ему рассказали ему подростком старшие мужчины. Божеством в центре полубесплотной сети, совмещённой с умными машинами, маленькими, но умелыми. Сеть сама делал всё, что нужно для жизни, безопасности и досуга. Но она была несовершенна без божества, устранявшего сбои и поломки. Теть могла учиться сама, но ей надо было указывать, в каком направлении. Всё это делал он, быстро и спокойно, как на охоте. Это занимало немного времени. В основном он, как и подобает божеству, наслаждался или узнавал новое, обретал ещё большую силу и могущество.

Он был всегда, потому, что он был тем самым богом-пауком, о котором ему когда-то рассказали старшие мужчины. Бог – паук мог становится подобным человеку. Как оказалось, он им и был. Просто теперь он не знал недостатка ни в чём, не знал страха и беспокойства...

Владелец усадьбы знал, что он хорошего о себе мнения. В том числе и поэтому он выловил его в поле и сделал сисадмином. К тому же, он был неглуп и психологически крепок, знал, что значит жизнь на открытом воздухе. Со своими несложными обязанностями он справлялся неплохо. Что позволяло владельцу усадьбы думать и чувствовать то, что ему хотелось. Можно было не отвлекаться на текущие детали, ограничиваясь общим контролем.

Всё же и от хорошего надо было отвлекаться. Для этого у владельца усадьбы были разные люди, которым приходилось думать и чувствовать, что придётся. Одни, как когда-то его сисадмин, пытались выжить на свежем воздухе тем, что найдут или поймают. Владелец практически никак не вмешивался в их жизнь, он лишь периодически любовался их усилиями с помощью устройств наблюдения.

Другие люди находились в комфортном изолированном помещении подключёнными к устройству контроля и регулирования жизненных процессов. Они думали, что живут в Америке времён президента Клинтона. Ещё они думали, что создают свой бизнес, женятся и разводятся, ездят на курорты и многое другое. В их жизнь владелец иногда вносил неожиданности и лёгкое разнообразие, иногда даже являлся им, особенно приятным

женщинам, в образе какого-нибудь артиста или политика. Или артистки. Жизнь –то тогда была свободной...

Хотя потом, по развитию сюжета игры, могли и обвинить в домогательствах, даже подать в суд. Что было маленьким дополнительным развлечением.

К своему сисадмину владелец никогда не являлся и не давал о себе знать. И ему, и сисадмину так было удобнее...

Аркадий стал бояться и ненавидеть этот стул. Он так отрешенно смотрел на него из угла, жестокий и хладнокровный. Аркадий решил держаться и не убирать его. На стул надели чехол. Тогда он стал ещё страшнее, бесформенным и угрюмым, как ночная чащоба. Тогда Аркадий поставил на него горшок с цветами. Стул подобрел. Он стал похож на остепенившегося убийцу с внуком. Аркадий меньше стал думать о нём. Но случай со стулом окончательно убедил его в необходимости перезагрузки.

Но это временно – в любом случае, приближалась перезагрузка. Личность пора было переносить в одно из новых готовых тел. Личность должны были очистить от психологического груза, а тело должно быть бодрым и ненасытным.

Потому, что в своё время человечество покрыло Землю тонкой пузырящейся плёнкой своей цивилизации. Потом на большей части планеты плёнка усохла и превратилась в ископаемую пыль. Но в редких местах цивилизация создала глубокие колодцы, из которых ударила в небо фонтанами.

Технологии сделали немногих людей могущественными до невидимости и бессмертия. Они стали Владельцами, теми, кто распоряжается источником благ – самосовершенствующимся искусственным разумом, способным воспроизводить всё, в том числе время от времени– своего Владельца. Искусственный разум всегда был во Владельце, а Владелец — в нём. Даже во сне Владелец контролировал, производил, собирал и разобрал.

У Владельца и его искусственного разума могли быть некие подданные, и их могло не быть. Подданных всегда можно было вырастить биологически в нужном количестве либо материализовать иными способами. И также легко и незаметно дематериализовать, сохранив в случае надобности их личности в искусственном разуме. Чтобы можно было их материализовать вновь: в неизменном виде или с какими-то изменениями.

К этому великолепию усыхающее человечество шло тяжело и долго. Неосознанно хотящие стать Владельцами ползли вверх по бесконечной лестнице со ступенями почти в рост человека. Они постоянно сталкивали друг друга в пропасть, которая зияла по обе стороны от лестницы.

Наконец немногие в совершенстве развили искусственный разум и научились с ним гармонично сливаться. Эти немногие уцелели и стали Владельцами.

Сколько их было, они сами не знали, потому что не могли знать. Знать это им не давал Другой. Зачем – неизвестно, никто не знал, зачем Другой делает то или иное. Обычно это объясняли тем, что Другой заботится, чтобы Владельцы могли знать только о тех Владельцах, о которых им знать полезно, и не знали тех, общение с которыми могло привести к конфликтам.

Кто или что был Другой, также никто не знал. Его могли осознавать, как главный искусственный разум, объединяющих всех Владельцев, или как проекцию глубин сознания отдельного Владельца, соединённых с искусственным разумом. Или как существа с других планет. Или просто как Божество или Бездна, которое всегда остаётся рядом с человеком. Конечно же, никто не знал был ли Другой один или их было множество...

Но Другой всегда был рядом. И Владелец постоянно видел, что навыки Другого превосходят его собственные.

Однажды Он зачем-то долго следил за владельцем по имени Ник, который прогуливался в джунглях Южной Америки в партизанском стиле. Ник со своей охраной продирался через лес, подражая инсургентам 20-го века. Впереди шла разведка, по бокам – охранение. Ник обменивался с этими подразделениями особыми сигналами, напоминавшими крики птиц. Но всё это была игра. Отряд был окружен несколькими кольцами невидимых для постороннего глаза боевых и разведывательных роботов. Его постоянно прикрывало поле, защищавшее от перехвата управление роботами.

Но носители Другого, бесформенные и безграничные сгустки чего-то, держали его передвижение под контролем. Они всегда умудрялись оказываться в том секторе, который роботы наблюдения обозначали как «чистый». В следующие доли секунды носители перемещались в другой такой же. Они умудрялись проникать и сквозь защитное поле, как-то прикинувшись безобидным лесным мусором. Поэтому носителям Другого удавалось снимать даже личные показатели бойцов отряда и время от времени взламывать мысленный код.

— Мне бы для такого понадобилась сотня — другая носителей — подумал Аркадий.

— А такую армаду легко засечь. Другой или сильно ускорил свои носители, или замедлил у Ника режим реального времени. Фантастика! – ответил другой владелец.

Пока Аркадий поражался, Другой внезапно прекратил наблюдение. Через пару часов носители Другого снова активизировались – стали изучать состав шерсти у водяных зайцев. А может, они делали с шерстью что-то другое, а может – и не с шерстью. Это были носители Другого или что-то ещё?

Именно другой помогал или позволял Владельцам время от времени перезагружаться – переносить своё оздоровленное сознание в новую физическую оболочку.

Конечно, Владельцы могли непрерывно обновлять одну и ту же оболочку. Однако для Владельцев существовало слишком мало препятствий, и оставшиеся были вечно

непреодолимыми. Поэтому любого Владельца на каждом шагу подстерегало безумие, подобное тому, которое грозило древним людям, на многие годы изолированным в отдельных помещениях. Безумие и распад также подстерегали Владельца, оставшегося надолго без физической оболочки. Поэтому каждому владельцу время от времени требовалось новое тело, жадное до простых удовольствий, готовое вместить личность с прежним самосознанием, но лишенное накопленных нарушений. Личность во многом новую.

Подходящее тело часто находили среди разных живых существ, уцелевших на Земле. Например, людей, выживших, но не ставших Владельцами. Были такие люди на самом деле, или Владелец, вместо пути к новому телу, видел картинки, которые ему показывал Другой, никто не знал. А может, эти картинки реальность совпадали? Наиболее самолюбивые владельцы предпочитали верить, что Другой – это их глубинное сознание и оно создаёт для них новое тело...

Но всегда обретению нового тела предшествовало схождение в иной мир, чем-то похожий на мир до появления Владельцев, или просто в иной. Но с каждым шагом он удалялся от привычного.

Аркадий смотрел на груды кирпичей, теряющуюся среди деревьев. По ней рваными прыжками скакала розовая птичка. Птичка вспорхнула, посыпалась струйка желтоватой пыли. Аркадий кивком подозвал дворецкого.

— Ничего не убирать. Охранять! — приказал он.

Аркадий пошел дальше, по тропинке, на которой остались следы гоблинов. На открывшейся полянке почва была песчаной. В центре темнела высохшая лужа. У левого края валялась пара каменных блоков, битая посуда и человеческая рука. Оливковая кожа зеленела островками плесени.

— Это огородить — щелкнул пальцами Аркадий.

Покрыть серым прозрачным куполом — добавил он через минуту.

Владелец двинулся дальше. Узкую тропку с двух сторон сжимал длиннолистный кустарник. Из – за поворота что-то выглядывало. Это была капитель покосившейся колонны черного мрамора.

— Оставить так. Без купола- скомандовал Аркадий.

За поворотом открылась низкая платформа с тремя ступенями. Владелец собственноручно нагромоздил на неё четыре бесформенных камня.

— Пусть так — сказал он.

Дальше начался плавный подъём по широкой лестнице, усыпанной щебнем и мелкими обломками. Наверху, загораживая небо, возвышалось серое полуразрушенное здание. Аркадий повернулся к дворецкому.

— Снести фасад. Лестницу продолжить до высоты потолка. В глубину – до задней стены. За верхнее ступенькой – сразу пропасть. Продолжать лестницу – из старого материала. Потом посыпать всем этим — Аркадий ткнул пальцем себе под ноги и пошел прочь.

«Остановка-смерть. Смерть? А что хуже смерти и жизни? Наверное, когда остановишься. Просто никто не должен останавливаться. А если? Хе-хе... Иногда нужно просто сменить обстановку. Может в цветнике слишком много красного? А нужен бледно-желтый и белый? Хм-м... Все эти цветы... Пусть останется, как есть. Какую бы ограду?»

– Как лес! Лес из камней. Каменные столбы, будто ели. Внизу – кусты чугунного литья. Расширяются кверху. С пышными кронами. В каждой кроне – свой узор ветвей. В самом низу – арки. Каменные столбы – круглые конусы. Разной высоты. Разные расстояния между ними.

Как всегда, Аркадий был полностью уверен в необходимости переустановки. Ему мешало только одно. Как всегда, он боялся уничтожить нынешнего себя. Себя, подверженного сомнениям, страхам и безумию, но привычного.

«Хорошо бы где-нибудь себя сохранить. Почему бы и нет!? И чтоб я после перезагрузки мог наблюдать за собой нынешним. ... Так, как-нибудь на природе».

Аркадий задумался. Он быстро решил записать свою личность четырём самовосстанавливающимся роботам (полная личность на каждый) и соединить их в единую систему. Он всегда проделывал это незадолго до перезагрузки. Сколько у него было таких законсервированных личностей, он не считал.

Когда-то Другой или, может, интуиция или глубинное сознание Аркадия указали ему общаться с другим Владельцем, Лизой. И в самом деле, Лиза помогала ему перезагружаться, особенно на стадии вхождения в иной мир. Так же, как и Аркадий – Лизе.

— Прилетай ко мне! Полюбишься на меня, какую есть. Зовётся теперь по-новому — в сознании Аркадия возникла ребячливо подмигивающая Лиза. Ок — ответил Аркадий и послал сигнал. В стене кабинета появился люк капсулы телепорта. Аркадий вошёл. Подготовка к полёту закончилась. Аркадий пригладил волосы и поправил костюм. Индикатор сообщил о посадке. Люк открылся. Лиза радостно улыбалась. На ней было длинное платье цвета тающего снега и тапочки из меха горноста. «Из Лизы получилась бы отличная кошка!» — думал Аркадий. Он готовился увидеть что-то новенькое и на время забыл о делах.

Под горностаевыми тапочками был серый пол с тёмно-зелёными пятнами краски. Быть может, это был облупившийся цементный пол, а быть может – чья-то кожа. Кого-то огромного, прикорнувшего ненадолго вздревнуть. Или прячущегося от чего ещё более

грандиозного, и потому вынужденного притворяться бесконечным множеством разбегающихся по Вселенной предметов. И только иногда в глухих уголках проступает что-то от его настоящего, вроде кожи, похожей на обшарпанный пол.

А потом то, более грандиозное и страшное забудет и уйдёт, или, наоборот, найдёт это огромное существо. И в том, и в другом случае мир исчезнет, растворится, мгновенно забудет о самом себе, как будто его никогда и не было...

И вместо этого мира появится другой, который будет тоже думать, что он был всегда. До тех пор, пока случайно не исчезнет, и на его месте не появится новый. Или не проявится?

Лиза была мгновенным фото на фоне чего-то медленно пережёвывающего самоё себя. Пережёвывающего и никак не могущего собраться и проглотить. К чему привыкли и перестали обращать внимание.

Лиза была центром, к которому цеплялся липкий, бесконечно тянущийся, спутанный хаос. Сам центр был умиротворён и изящен. Казалось, что Лиза плещется в волнах хаоса, будто в бассейне.

Но была бы Лиза, если бы на неё не смотрел Аркадий? Не было бы ни Лизы, ни хаоса, миров, существ, кожи и тапочек. Всё это называлось бы другими и по-другому...

Из дырки в прохудившемся горностаевом тапке показался ноготок. Аркадий привлёк и нежно поцеловал Лизу. Стало понятно, что следующая ступень перехода в иной мир близка...

Из облака появилась огромная зеленовато-серая голова змея с разинутой пастью. Казалось, ряды зубов в ней скрыли весь мир. Только они, средоточие гигантской головы, были чем-то реальным, от них зависело всё.

Но вот змей захлопнул пасть. На её месте оказались вытянутые трубочкой губы. Змей двигал ими, словно в недоумении жевал. Сам он показался каким-то неуклюжим и неуместным. Змей повертел головой, жуя губами, и исчез в облаке.

Остались небо и горы.

Голубое небо еле заметно кружилось и покачивалось. Раскалённый зеленовато-белый поток света уже заметно сполз к испещрённой выбоинами вершине горы. Кругом валялись бурые камни. Между ними иногда проглядывала рыже-белая щербистая земля.

Лиза медленно, но непрерывно поднималась по крутому склону. Иногда ей приходилось карабкаться на четвереньках. В ней не осталось ничего, кроме желания забраться как можно дальше. Лиза не помнила о том, что осталось позади. Ей было всё равно, что будет. Надо двигаться и двигаться, останавливаться нельзя. Шуршание камней под ногами и звон в ушах стали не заметными.

Склон горы стал резко выравниваться. Показался сточенный до основания гребень хребта. В лучах света он напоминал рассеченную позеленевшую тушу. Из щелей и выемок торчали кочки иссохшейся рассыпающейся травы. За хребтом начиналась равнина, усыпанная обломками скал. За ней возвышался болезненно искривлённый останец горной вершины. Вскоре Лиза потеряла его из виду, блуждая среди нагромождений растрескавшихся и раскалённых глыб. Она видела, что камни всё быстрее темнеют с заходом солнца. Их тени удлинялись и сливались друг с другом. Мир менялся, убивая сам себя, и тащил Лизу за собой. Поэтому она побежала, перепрыгивая с валуна на валун, оскальзываясь и протискиваясь в щели.

Бег не прекратился в полной темноте. Лиза падала, куда-то взбиралась, скатывалась в лощины.

Стена темноты сменилась серо-голубой дымкой. Потом с неба ударили лучи. Лиза не могла видеть новую смерть. Она забилась в ближайшую каменную складку. Чем жарче становилась, тем глубже Лиза протискивалась. Наконец её окружила темнота. Можно было остановиться. Лиза опустила на прохладный пол маленькой пещеры. На закате в неё заглянул синеватый свет. Лиза прикрыла лицо руками. На другой день она захотела есть и пить. Смерть казалась слишком нахальным изменением, и Лиза выбралась наружу. В зеленоватом блеске лежала светло-каштановая долина, окаймлённая со всех сторон каменными россыпями. Было очень тихо.

Среди пучков серо-зелёной иссушенной травы Лиза нашла полузаглохший родник. После расчистки из него стало можно пить. Позже Лизе удалось поймать с десятков светло-серых блестящих жучков...

Дни и ночи слились в один бесконечный день и вечную ночь. Была долина, родник жуки и ящерицы, небо и горы. Сумрак пещеры. И больше ничего. «Смерть отступает» — решила Лиза. Бесплотный неодолимый поток накрыл её с головой. К ней пришли летучая змея и гигантская крыса. Хвост змеи задевал лицо. Крыса тыкалась носом в ноги. Тварей окружала прозрачная оболочка Иного. Когда Лиза хотела схватить или прогнать их, твари исчезали и тут же появлялись снова. Вот и опять змеиный хвост задевал кончик носа, мокрый нос касался пальцев ног. «Змеиный хвост холодный, шершавый, сухой. Нос у крысы холодный, мокрый, упругий» — думала Лиза совершенно спокойно. Вскоре она заснула.

Змея медленно опустилась на пол и замерла, расправив крылья. «Сверху она не серебристо-прозрачная, а буро-зелёная, с желтыми пятнами» — с интересом отметила Лиза. Нагнувшись, она потрогала змеиную спину. Оказалось, она тоже шершавая и холодная. Взяв змею за хвост, Лиза дёрнула. Шурша чешуёй об пол, змея сдвинулась с места. «Странная змея, и крылья у неё широкие. На ней можно валяться, как на ковре» — решила Лиза и улеглась на змею. Та медленно и плавно поднялась в воздух. «Ну да, она всё время летает» — подумала Лиза, устраиваясь поудобнее. Они влетели во тьму, и всё исчезло.

Когда Лиза очнулась, они летели в розовом пространстве среди белых облаков. Вокруг парили голубые и оранжевые ленты. Они обитали в норах среди облачной толщи. Облака медленно дрейфовали далеко внизу и над головой. Земли не было.

«Залетим в ближайшую нору» — сказала Лиза змее. Тварь повиновалась. Стенки облачной норы раздвинулись и закружились вокруг змеиных крыльев. Они полетели над полем, усыпанным белым песком. Из него густо торчали бурые неровные столбы с мелкими отростками. Лиза задумалась. «Стоят они, всё стоят. Попробуем один выдернуть. Хватай хвостом один столб и лети вверх» сказала она змее. Та снизилась, задрала вверх голову. Потом замерла. Раздалось шуршание и похрустывание. Змея легко и свободно полетела вверх. «Гм, странно» — Лиза оглянулась. Далеко внизу земля терялась во мгле. Не было видно начала столба, вершину которого цепко охватывал змеиный хвост. Лиза посмотрела вперёд. Змея повисла над тёмно-фиолетовым морем. На его волнах покачивались огромные разноцветные звёзды. Их золотые корни уходили в глубину. Над ними из моря поднимался столб. Об него гулко бились волны.

— Хватай звезду и лети выше! — приказала Лиза. Змеиные крылья зашелестели, постукивая. Вокруг Лизы поднялся ветер. Наступила тьма.

Потом Лиза увидела, что сидит верхом на огромной четырехглазой крысе. Оглядевшись, она пожала плечами. В сумерках можно было различить стены и груды камней.

— Вперёд! — скомандовала Лиза. Крыса бесшумно понеслась.

Вскоре стало видно огромное болото под тёмным небом. На небе виднелись светящиеся бледно-зелёные пятна. На болоте густо росли гигантские пористые грибы. Прыгая с гриба на гриб, крыса бежала всё дальше.

Небо вдруг почернело и покрылось оранжевыми трещинами. Трещины нестерпимо ярко светились. Болото покрылось матовым льдом. Грибы съёжились. Крыса продолжала свой бег. Чёрные обломки неба стали падать вниз. Со звоном ударяясь о лёд, они скользили по нему, задевая грибы. В небе бурлила оранжевая масса. Вниз текли сияющие струи. Болото превратилось в мешанину прозрачных пузырьков. Крыса плыла среди них, чуть приподняв нос. Иногда над ними проносились большие безголовые кожистые птицы. Каждая из них усердно била по воздуху сотнями маленьких крылышек. На птицах восседали маленькие человечки. Некоторые из них не видели Лизу. Другие смотрели с удивлением или посмеивались.

Неожиданно всё померкло. Осталось только Невыразимое.

Аркадий долго скользил сквозь туман, раскинув руки, по скользкой серебристой ленте. Куда скользил — неизвестно. Быть может эта лента была той лестницей, по которой лезли пытавшиеся стать Владельцами. Сейчас Аркадий скользил по ней в обратную сторону. Скользил долго, не видя ничего, кроме тумана и ленты...

Наконец нечто определённое. На белых склонах стояли белые деревья. Здесь не было снега. Деревья (если это были деревья) были похожи на высокие, разросшиеся кораллы. Их стволы мелко ветвились, составляя узоры, напоминающие огромные снежинки. Время от времени они ломались и с тихим звоном падали на землю. От удара ветки рассыпались в мелкое крошево. Это оно покрывало склоны гор.

Верхушки деревьев растворялись во тьме. Иногда она сгущалась и оседала на ветках бесформенными комками. Бывало, что комки сливались друг с другом, образуя на деревьях сумеречные пирамиды. Ветки просвечивались в них бледными тенями. Когда кораллы ломались и падали, то на мгновение вспыхивали своим собственным светом. Порой сгустки темноты тоже падали на землю. Тогда они катались по склону вверх-вниз, сталкивались, слипались и рассыпались.

Из сгустков тьмы возник чёрный куб, который высился над желтовато-коричневым лугом. Красное, слабеющее солнце висело над его вершиной. В тени у подножия куба лежал плоский ноздреватый камень, почти ушедший в землю. На нём лежал мёртвый человек. Ему вскрыли грудную клетку. И вытащили внутренности. В ногах трупа горел костёр. Возле него оборванцы неспешно поглощали пареные желуди. Спешить им было некуда и ждать было нечего. Смерть вроде не грозила. Можно было поиграть в кости, поставив на кон ножи и миски. Да ещё соломенную шляпу.

Костёр иногда начинал тухнуть, и Аркадий спасал его, вращая ручку на неуклюжей коробке с патрубками. Они из в этот момент изрыгали розоватое пламя, от которого костёр загорался вновь.

Внезапно бродяги оживились. К ним, посвистывая, спешил крепкий парень в синей рубахе. «Рядом селений нет. Наверное, с припасом» — сказал один из оборванцев. Остальные заинтересовались. Они весело окликнули парня. Подойдя, он широко улыбнулся. «Вы тут обедаете, братцы. У меня ж маковой росинки во рту не было» — сказал парень. Оборванцы пригласили его отведать желудей. Бодро жуя, парень рассказывал. Что сам он из лесного рода, идёт в большие селения на берегу за удачей.

Парень быстро насытился и, схватив камень, он метнул его в высокую кучу гальки, полускрытую травой. Раздался звучный стук. Один из бродяг причмокнул и сам швырнул камень. Вскоре все присоединились к забаве. Когда камни летели дальше кучи, никто не слышал звука падения. «Трава густая, мягкая» — подумал парень. Он в очередной раз нагнулся, чтобы поднять увесистый голыш. Тогда бродяга с рыжеватой бородой ударил его ножом под левую лопатку. Парень уткнулся в землю и затих. Будто опомнившись, бродяги стали снимать с него одежду, обшаривать карманы и складки.

«Негусто» — сказал наконец лысый бродяга с бурыми зубами. В глазах остальных появилась скука и раздражение. «Давайте его в жертву принесём. А то место тут...» — добавил он. Озираясь, бродяги потащили тело к чёрному кубу. «А камни все кидали» — подумал Аркадий. Он понял, что ему надо спастись или от бродяг, или от чего-то другого. И что ему надо искать спокойное огороженное место. Которое охраняют...

Аркадий погрёб ногами и руками куда-то в сторону, заодно кидая в бродяг и чёрный куб сгустки тьмы. Наконец он расчистил перед собой окно, в котором увидел низкую бревенчатую крепость с воинами перед воротами.

Аркадий словами и руками стал просить пустить его в крепость. «Сиди здесь, жди королеву» — велел ему командир воинов.

Слыша хлопанье крыльев, воины всегда лениво смотрели в небо. Оно было пустынным. Приглушенный смешок всегда заставлял их обернуться. Мумия летающего чудища, прибитая над воротами, хлопала крыльями и ухмылялась.

Несколько копеек пробили ей грудь. «Убили, убили» — ехидно проскрипела мумия, свесив голову на бок. «Бейте в голову» — кричал командир. В морду чудища воткнулись стрелы. Топорик со стуком ударил в лоб. Мумия смеялась. Оперения стрел шуршало и шевелилось. Вздрагивала рукоять топора.

«Ладно, отвоевались, отвоевались» — примирительно сказала мумия. Посыпался град ударов. Мумия замерла. Из многочисленных дыр на коже вылетела стая птичек. Скрипуче щебеча, они закружились над воротами. Птички обильно гадили. На счастье воинов, вскоре они исчезли. Мумия походила на рваную тряпку. Её морда умильно скалилась.

Вдруг чудище подмигнула Аркадию и послало воздушный поцелуй. Пришла улыбающаяся Лиза. Аркадий протянул её руку, и Лиза помогла ему встать.

Аркадий снова увидел мир белых коралловых деревьев. На этот раз перед глазами возникла кромка обрыва. Коралловая пыль отступила, обнажив неясную массу тьмы. Такую же, как на верхушках деревьев. Именно на ней оседала белая пыль.

В «стене» обрыва непрерывно двигались сгустки тени. Иногда они отделялись от общей массы и выкатывались на верх. Или падали вниз. Или плавно, как воздушные шарики, поднимались во тьму над деревьями.

Потом они вышли на простор. Необъятная степь была покрыта изумрудно-золотистой травой, над которой поднимались алые и фиолетовые цветы. Люди в повозках двигались по степи, занимаясь своими делами. У алых цветов они наполнялись страстью, у фиолетовых — покоем. Люди запускали длинное вглубь травы, как будто бы она была бездонным морем. Из глубины они доставали разное: сгустки света и тьмы, бабочек со щупальцами, других людей.

Над степью высился купол огромного кургана, который с боков подпирали курганы поменьше. На верхушке большого кургана задумчиво полулежало Солнце. Оно неспешно перекачивалось туда — сюда и казалось то рассветным, то полуденным, то закатным.

«Другой, ты показываешь мне какой-то бред. За пределами мира Владельцев, конечно же живут люди! Но они там выживают, а не занимаются всякой причудливой ерундой. А ты показываешь мне ерунду, и знаешь, что я об этом знаю! Быть может, в тебе участвуют другие Владельцы, которые хотят сообщить мне, что покажут мне всё, что захотят? Кроме меня и моих коллег, ты ещё много кто! Ты и Никто Из Нас тоже!» — громко скал Аркадий. Он взял Лизу за руку и повёл её вперёд.

Они вошли в полутёмный коридор. Потрескавшийся бетонный пол покрывал мох. Было не холодно, но в коридоре сновал противный сквозняк. Аркадий понял, что надо куда-то свернуть. Он вместе с Лизой вошли в одну из боковых дверей. За ней была пустая спокойная комната. Где, несмотря на окно, было не холодно.

Как всегда, никто не знал есть ли что –то за пределами этой комнаты, был ли коридор, продолжает ли ещё быть. Что будет и кто они теперь, и надолго ли. Можно было лишь осесть на пол вместе с пылью и ничего не ждать. Быть может, прилетит ветер и понесёт дальше. Или не понесёт...

Мидгард

А в Мире Равных тоже не хотели, чтобы о нём знали, и тоже хотели знать как можно больше обо всех остальных: людях, животных, растениях, камнях и мирах. И хотели использовать всё и всех для собственной пользы. Хотя и не забывали ограничивать свои потребности и стремления, поскольку неумеренность превращает пользу во вред.

Что не мешало обитателям Мира Равных быть о себе очень высокого мнения. Поэтому они и называли Мир Равных ещё и древним словом Мидгард, что значит Средний Мир, мир, где соприкасаются остальные миры. В Мидгарде знали много древнего и о древнем, также как и о современном, о близком и далёком. Ведь много знаний означает для Мира Равных гибкость и быстроту. А быстрота и гибкость есть жизнь. Ещё знание много означает возможность сохранять умеренность и независимость от чего-либо отдельного и конечного.

Хранимые в Мидгарде знания и виды их применения были необозримы для людей ушедших эпох. Поэтому часто кто-нибудь, особенно из Мудрецов или Координаторов, начинал думать, что ему доступно в записи всё мироздание. Если об этом узнавали вовремя, то такого человека быстро излечивали от самоупоения, и он становился прежним. Но иногда упоение брало верх, такого человека утилизировали. Самые мудрые знали, что вовремя провести утилизацию до сих пор удавалось лишь по счастливой случайности...

И вообще, люди Мира Равных знали, что они много не знали. Например, самые мудрые нередко спорили, существуют ли некие Владельцы – могущественные люди, живущие в невидимых и недоступных собственных мирах. Спорили и о том, чего от них ждать. Спорили даже те, кто во владельцев не верил...

Про обычных владельцев, живущих одиноко среди собственных нейронных сетей, знали хорошо. В определённых условиях Воины легко пробивали их защиту...

Чтобы спастись от внешнего мира и друг от друга, обитали Мидгарда согласились добровольно ограничить себя в знании друг о друге, и, разумеется, во власти.

Люди Мира Равных делились на Три Общины, которые считали независимыми друг от друга, но обменивались профессиональными услугами: Общину Мастеров, Общину Мудрецов и Общину Воинов. Мастера создавали пищу и необходимые вещи. Мудрецы изобретали новое и исследовали мир. Воины защищали Мир Равных. Но в каждой Общине могли существовать безо всех остальных, путь и не вечно, и в гораздо более тяжелых условиях.

Члены Общины не жили где-то в одном месте, но в самых разных защищённых и скрытых местах. Менее знающие люди, которых в Мидгарде называли варварами, часто не знали о них даже живя по соседству. Либо принимали их за кого-то другого. При этом люди Мидгарда могли непрерывно поддерживать связь друг с другом, в необходимом для пользы дела размере...

В каждой общине важные вопросы решали взрослые члены. Для принятия некоторых решений было достаточно большинства, для других – единство общего мнения. Повседневными делами управлял совет наиболее уважаемых людей, каждый из них отвечал за одну из сторон общинной жизни.

О жизни Общины представители других Общин могли знать лишь столько, сколько нужно для необходимого взаимодействия и поддержания высокого мнения о себе.

Об отдельном члене общины все остальные знали только то, что нужно для жизнедеятельности общины. Члены одной семьи – необходимое для поддержания

хороших отношений в семье. Поэтому отдельный человек имел возможность что-то скрывать или творить зло. Но это было необходимым условием равенства и вообще совместной жизни людей, обладающих свободной волей.

За значительный проступок человек Мира Равных сразу утилизировался – умершвлялся. За незначительный проступок его не наказывали, но подвергали курсу реабилитации, подобному медицинскому. Правила умеренности и взаимного уважения были весьма строгими.

Это были именно Правила, которые усиленно изучали наравне со Знаниями, сведениями и навыками, необходимыми человеку Мира Равных как таковому, и как члену отдельной Общины.

С семи лет человек обучался Знаниям и Правилам, а с двенадцати до семнадцати лет он мог быть назначен в одну из Трёх общин, или в Координаторы. Где служить Миру Равных, человеку предлагал Совет Судьбы, включавших наиболее авторитетных членов Трёх Общин и Координаторов. Он мог отвергнуть волю Совета, и тот мог предложить ему другой вариант на основе данных по его личности. Человек мог отвергать решение Совета до трёх раз...

Первые несколько лет после определения судьбы он проводил в Общине или среди Координаторов в качестве ученика. По окончании периода ученичества – вступал в брак. Каждая Община считала себя самой главной и самой лучшей, и ничто не препятствовало ей в этом. Разные общины общались лишь так и тогда, когда это было удобно всем сторонам. В этом Трёх Общинам помогала небольшая группа Координаторов. А также великолепная техника...

Мудрецам было хорошо, они видели храбрых, но наивных воинов, которых спасали от неминуемой гибели сконструированные ими устройства и мудрые идеи. Воинам было не хуже – они видели, что лишь их умение и мужество может спасти мудрецов и всех остальных. Особенно прелестных учёных дам, похожих на Лару Крофт седой древности... Мастера также упивались своей значимостью. Все остальные жили благодаря изготовленным ими устройствам и выращенной еде.

Поэтому все были очень довольны друг другом.

И Координаторами, которые могли видеть плоды усилий и воинов, и мудрецов. И показывать им нужное. Но Координаторы не могли наблюдать за людьми из общин. Они объявляли тем и другим об очевидных недостатках, но не могли никому ничего приказать. Но могли, в крайнем случае, отказаться посредничать между одной из общин и всеми остальными. Общины же мало контактировали между собой, но в один прекрасный момент могли объявить бойкот координаторам и некоторое время самостоятельно обмениваться услугами.

Однако был ещё и Варяг, координатор над координаторами. Варяг всегда был варваром, похищенным в юном возрасте где-нибудь в полях и лесах. Похищали самого здравомыслящего, волевого и смекалистого. А потом долго и тщательно учили: и Знаниям, и Правилам. И записывали на подкорку как некоторых древних фильмах, и объясняли рационально.

Потом Варяг проходил испытание: ему показывали прекрасную варварку, которая ела. Если Варяг уже испытывал непреодолимое омерзение от любой оброненной ею крошки, то его сразу же провозглашали Варягом.

Варяг имел право знать очень многое о жизни координаторов, и даже некоторые вещи из жизни из внутренней жизни общин. Для этого у него был особый канал. Поэтому Варяг имел право четыре раза в год давать советы каждой из общин. Считалось, что эти советы лучше выполнять...

Но особенно значительной роль Варяга становилась в случае появления Дыры – чего-нибудь важного и необычного, могущего стать очень полезным или опасным. О Дыре могли объявлять одна из Трёх общин, или все они вместе, или Координаторы. Тогда все

сведения о Дыре стекались к Варягу, и, он, посоветовавшись с избранными от Трёх общин и Координаторов, мог принимать по Дыре решения, обязательные для всех.

Кроме Трёх Общин, Координаторов и Варяга, были ещё и Радужные. Радужным мог стать каждый человек, если не становился членом одной из Трёх общин или Координатором. Такой выбор юноше или девушке мог предложить Совет Судьбы, прямо объявляя, что человек неискоренимо склонен к нарушению Правил. Если член Совета Судьбы утаивал информацию об этом, то подлежал немедленной утилизации.

Также Радужным молодой человек мог стать по своей воле или после четвертого отказа от функции, назначенной ему Советом Судьбы.

Радужные жили абсолютно свободно от всяких правил на особой территории. Они не общались напрямую с членами Трёх Общин, и очень редко имели дело с Координаторами. Координаторы следили, чтобы Радужные не проявляли друг к другу чрезмерную жестокость, и имели необходимые условия для выживания. Наиболее агрессивные радужные утилизировались, или себе подобными, или с помощью Координаторов.

Радужные могли жить у себя как по одиночке, так и группами, создавать различные общности, в том числе - иерархические. Координаторы лишь наблюдали за соблюдением добровольности членства где-либо и ограничивали насилие. Радужные в целом жили неплохо и занимались самовыражением. Периодически произведения их творчества и изобретения, если такие были, Координаторы тайно от Радужных демонстрировали общественности Мира Равных. О забраккованном креативе Радужным ничего не сообщали. За понравившееся довольно щедро награждали. Отличившимся Радужным всячески поднимали самооценку, при этом дополнительно давали понять, как хорошо жить отдельно от других людей...

Но в Мире Равных был ещё один важный человек – Свежий Глаз. Как и Варяг, это был сметливый варвар, похищенный в юном возрасте. Но Свежим Глазом выбирали не умного и волевого, но человека скорее эмоционального, с развитой интуицией.

Его гораздо меньше обучали Правилам, а больше – Знаниям, но постоянно жестко контролировали, давая при этом массу удовольствий. Со Свежим Глазом постоянно общались члены Совета Судьбы, они расспрашивали его о том, что он думает по тому или иному поводу, помня о своём прежнем опыте и владея новыми Знаниями. Иногда таким образом люди Мира Равных узнавали неожиданные и важные вещи...

Если Свежий Глаз оказывался сильным и амбициозным, его быстро утилизировали, если он не был опасен, со временем его могли отпустить жить к Радужным, где Координаторы опекали его иногда что-нибудь обсуждали...

На этот раз почему-то были похищены и подготовлены два Свежих Глаза – парень и девушка. Их почему-то не разделили и обучали Знанию вместе. Вскоре выяснилось, что это была инициатива Варяга. «Чую, Дыра рядом, а никак не попадается. Надо что-нить эдакое сделать, чтоб засечь» - сказал однажды он.

В свободное время Свежие Глаза любили прогуливаться у реки, в полностью контролируемом, безопасном месте. Но однажды они быстро ушли, поспешно прервав прогулку, обещавшую стать очень приятной.

«За нами подсматривали, но не ваши» - объяснил потом парень.

В реку направили невидимую волновую сеть, которая просканировала каждый микрон дна и воды. Сеть обнаружила хорошо замаскированный электронный «глаз», который правдоподобно «растворялся» в вибрациях воды и донной гальки. «Глаз» вынули и исследовали. Ничего слишком важного он не заметил, но о Мире Равных хозяева «глаза» уже знали...

- Где-то в горах кто-то очень хорошо раскрутился. А мы о них инее знаем ничего!- сказал Пётр, пожилой член Совета Судьбы.

- Дыра явно множится и постоянно меняется. Мы не можем знать новое о всех. Мы, какие мы есть сейчас.

- Но нам опасно меняться- резко сказал ещё один член совета.

Варяг кивнул.

- Остаётся самым создать Дыру для Дыр внешнего мира.

- А получится? – с сомнением спросил Пётр.

Но все согласились с идеей Варяга, потому, что никто не хотел менять ничего внутри.

Молодой Координатор, один из отвечающих за контроль над Свежими Глазами, вдруг подумал, что один из них, девушка, не похожа на обычную варварку. Она могла говорить молча, что было красноречивее слов, ела так что не было слишком заметно, что она ест. Она легко следовала Правилам, которым её не учили.

Парень тоже не был слишком неотёсанным варваром, но вскоре Координатор его почему-то невзлюбил. Но молчал и наблюдал в прежнем ритме. Вскоре он уже всё знал, и понимал, что Координатор, начальник проекта по Свежим Глазам тоже догадывается.

И когда объявили обсуждение нового проекта, молодой Координатор тоже высказался. Он был молод и очень не хотел быть похожим на Радужного. Поэтому, когда Координатору дали слово, он предложил отправить обратно к варварам именно девушку, а не парня. А парня оставить как Свежего Глаза, а если он будет слишком тосковать и станет непредсказуемым – то утилизировать.

С планом молодого координатора согласились. Девушка могла следовать Правилам без принуждения и не стремилась избавиться от контроля. Её решили отправить в родное селение. После этого она должна была многое забыть, но далеко не всё. Девушке надо было начать Видеть и подсказывать важным варварам. Давать точные предостережения. И, главное, предостерегать от ошибок нескольких странных варваров, чем-то на других не похожих. В них жило что-то непонятное, прячущееся от них самих за привычной варварской жизнью. Непонятное надо было выпускать в начале небольшими, но постепенно растущими дозами.

Эти варвары должны были при поддержке девушки создать что-то новое. То, что отказались предсказывать даже Мудрецы Мира Равных. Но непонятное должно было оставаться управляемым, как и девушка.

Молодого Координатора дружно похвалили и самого сделали наставником над молодыми. Контроль над девушкой Совет Судьбы передал пожилому Координатору, которого иногда за глаза называли Радужным. Молодой координатор с жаром взялся за новую работу, не забывая следить за поведением парня – Свежего Глаза.

Варяг полюбил размышлять, подбрасывая фишку с чёрной и белой сторонами. Фишка падала то чёрной, то белой стороной вверх...

А девушка видела во сне мужчину и женщину, идущих по заброшенного зданью. Они направлялись в место, где можно чего-то ждать. А рядом всегда была живая точка, которая пряталась от мужчины и женщины за их спинами...